

Систематизировав весь материал, относящийся к Гераклу, мы видим, что среди него имеются памятники чисто греческого и наряду с ними местного глубоко варваризованного искусства. Они подчинены одной идее: Геракл—покровитель, способствующий благоденствию и процветанию поклоняющегося ему народа. В этом случае значение Геракла в Херсонесе вполне тождественно его значению во всех причерноморских колониях.

Кроме того, большую роль играют изображения Геракла и его атрибутов в загробном культе херсонесцев, где они являются надежнейшими апотропеями—отвратителями всяческого зла от умершего. Хтоническое значение Геракла в Херсонесе вполне идентично значению его у скифов. Принося с собой в Таврику культ Геракла-покровителя, пришельцы восприняли особое местное значение этого героя и приписали ему апотропеическую функцию.

Как известно, главную роль в религии херсонесцев играла Дева, культ которой заимствован был у тавров¹. Греки лишь смягчили и облагородили его. Среди разносторонних функций Девы—хтоническое значение ее играло большую роль², и в этом смысле хтоническое значение культа Геракла как нельзя лучше связывалось именно с этой стороной культа Девы. Местные изображения Геракла отображают характер местных представлений о нём, будь это надгробные или посвянительные памятники.

Таким образом, мы можем отметить новый штрих в картине херсонесских религиозных верований—синтез двух чисто местных религиозных представлений, воспринятых и переработанных греками: культ Девы, связанный с таврами, и особое хтоническое значение Геракла, связанное со скифами.

Судя по наибольшему количеству памятников, составляющих погребальный репертуар и относящихся ко времени I—III вв. н. э., можно сказать, что хтоническое значение Геракла возросло именно в это время.

Политическая ситуация этой эпохи—борьба Рима с Таврами и наплыв в Херсонес скифов—вполне объясняет возросшее хтоническое значение Геракла в этот период.

Н. В. Пятъшева

ТРАНСКРИПЦИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ΔΙΟΓΕΝΗΣ ΛΑΕΡΤΙΟΣ-Diogenes Laertius

Это наименование в русской транскрипции встречается в четырех видах: «Диоген Лаэртий», «Д. Лаэртий», «Д. Лаэртский», «Д. Лаэртийский». Какую транскрипцию следует считать правильной?

Сразу уже ясно, что первую, «Д. Лаэртий», надо отвергнуть: это—транскрипция не греческого, но латинского слова, да и то неправильная: уже элементарная латинская грамматика учит, что слог *ti* перед следующим гласным в греческих словах произносится как «ти», напр. *Voetia*.

Остается выбор между «Д. Лаэртий» и «Д. Лаэртский» (или «Лаэртийский»). Тут выбор зависит от решения вопроса, что такое *Λαέρτιος*. Обыкновенно считают это слово прилагательным, произведенным от названия города *Λαέρτη* в Киликии, предполагая, что Диоген был уроженцем этого города. Так, в старой *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft* Августа Паули (Pauly), т. II, стл. 1046, сказано, что «Диоген получил это имя или от города Лаэрти в Киликии, который следует счи-

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Надписи, найденные в Херсонесе Таврическом в 1889 и 1891 гг., МАР, вып. 9, СПб., 1892, стр. 13.

² М. И. Р о с т о в ц е в, Новая книга об острове Белом и Таврике, ИАК, вып. 65, II., 1918, стр. 167.

тать его родиной, — и это кажется более вероятным, — или от римского рода Лаэртиев коль скоро один из предков Диогена получил это имя своего римского патрона и перенес его на своих потомков.

В старых изданиях словаря Любкера (Lübker) *Reallexikon des classischen Alterthums* Диоген также определяется как «Д. из Лаэрти в Киликии» (стр. 306 издания V, 1877). В петербургском переводе этого словаря он назван «Д. Лаэртийский, уроженец киликийского города Δαέρτη» (стр. 407), а в московском переводе «Из Лаэрти в Киликии» (стр. 314).

В большой Истории греческой литературы Круазе сказано о нем: «Точная форма его имени сомнительна. Он назывался, может быть, Диоген Лаэртиос, но более вероятно просто Диоген, уроженец Лаэрти в Киликии» (т. V, стр. 819, 1899 г.).

В русском переводе сокращенной Истории греческой литературы Круазе, сделанном под редакцией С. А. Жебелева, он назван «Лаэртий Диоген» (стр. 701).

В Истории греческой литературы Криста (3 изд. 1898 г.) он назван «Laertius Diogenes», и сделано след. примечание: «Чтение колеблется в рукописях самого Диогена и у Стефана Византийского, 239, 15 М. между Δαέρτιος Διογένης и Διογένης Δαέρτιος; у Стефана Виз., 695, 7 стоит Διογένης ὁ Δαερτιεύς. В первом случае Δαέρτιος относится к римскому роду, в который был принят он или один из его предков, во втором — к городу, Лаэрте в Киликии, из которого он происходил» (§ 514; стр. 707).

В *Onomasticon totius latinitatis* Форчеллини-Де-Ви (Forcellini-De-Vit), изданном в 1887 г., под словом Laerte сказано: «Urbs Ciliciae, sive castellum, ... Diogenis, hinc Laertii dicti, philosophorum biographi, patria» (т. IV, стр. 23).

В словаре греческих собственных имен Папе-Бенвелера (Pape-Benseler, 3 изд., 1875 г.) также сказано под словом Διογένης: «ὁ Δαέρτιος или (St. B., Χολλεῖδα) также ὁ Δαερτιεύς, из Лаэрти в Киликии, писатель» (стр. 302).

Сандис (J. E. Sandys) в своей «Истории классицизма» (*A History of classical Scholarship*, 1903 г., стр. 332) и в «Краткой истории классицизма» (*A short History of classical Scholarship*, 1915 г., стр. 84) называет его «из Лаэрти в Киликии».

Кролл (W. Kroll) в «Истории классической филологии» (*Geschichte der klassischen Philologie*, 1909 г., стр. 10) называет его «Диоген из Лаэрти».

Не привожу цитат из более популярных сочинений.

Как видно из приведенных ссылок, общепризнанным мнением ученых нового времени было то, что Диоген назывался Δαέρτιος или Δαερτιεύς потому, что происходил из города Лаэрти в Киликии. Производство Δαέρτιος от римского рода нашло мало сторонников.

Производство Δαέρτιος от названия города Лаэрти основано на свидетельстве Стефана Византийского, который в своем географическом словаре, дошедшем до нас в извлечении, в двух местах упоминает Диогена как автора φιλοσόφου ἱστορίας, причем в одном месте (под словом Δρούδα) называет его Δαέρτιος Διογένης (с разночтением в некоторых рукописях — Διογένης Δαέρτιος), в другом месте (под словом Χολλεῖδα) — Διογένης ὁ Δαερτιεύς¹. Под словом Δαέρτης Κιλικίας χωρίον сказано: τὸ ἔθνικόν Δαερτίων, ἄμεινον δὲ Δαέρτιος. Из этого видно, что Стефан производил прозвище Диогена Δαέρτιος от названия киликийского города Δαέρτης (иначе Δαέρτη), как, несомненно, и Δαερτιεύς, — с таким же этническим суффиксом, как например, Ἐρεστρεύς от Ἐρέστη, Σταριεύς от Σταριά.

Другое производство слова Δαέρτιος дается в новой обработке энциклопедического словаря Паули, сделанной Георгом Виссова (Wissowa), т. V, стл. 738. Здесь сказано следующее: «Diogenes Laertios. Начиная с эллинистической эпохи, в ученых кругах у филологов и философов было в обычае прибавлять к имени, особенно если оно было очень обыкновенное, насмешливое прозвище (Spitznamen): Δημήτριος Ἰξίων, Διονύσιος Σκυτοβαρχίων, Διόδωρος Κρόνος, Ἀθηνόδωρος Κορδαλίων. Образованное из гомеровского διογενὲς Δαερτιάδη, σημεῖον (см. Wilamowitz, *Philol. Unters.*, III,

¹ В третьем месте (под словом Ἐνεσσί) Διογένης поставлено без определения.

163; Herm., XXXIV, 629) относится к этой категории, но окончанием, свойственным таким signa и σημεῖα (Mommsen, Herm., XXXVII, 443 и след.), показывает, что Диоген, который дал себе или получил это отличительное название (Distinctiv), не мог жить раньше III века после Р. X. Уже Стефан Виз. *λζιβιο* привел слово Laertios в связь с карийским городом Λαέρτη..., вследствие чего старые филологи нередко цитируют «Д. из Лаэрти»; лжива также форма Λαέρτιου Διογένους, которую дают рукописи и Сопатр (Phot. cod., 161, p. 104 a 2); напротив, лемматист (VII, 95) и корректор (VII, 620) Палатинской антологии пишут Διογένους Λαέρτιου, последний, впрочем, также Λαέρτιου Διογένους¹ (Схол. к VII 89)».

Эта статья, повидимому, основана на цитированной здесь заметке Вияльмовица в его Philologische Untersuchungen, III Heft, 1880, «De biographis Graecis quaestiones selectae», стр. 163². Здесь Вияльмовиц в «Письме к Эрнсту Массу» (на латинском языке) говорит следующее: «Время жизни Диогена неизвестно. Но так как он жил во всяком случае раньше Диоклетиана, то скорее следует отнести время его жизни к концу века, чем к началу, на что, повидимому, указывает его имя. Я не верю, что надо следовать писцу³ Стефана Византийского, который понимал Λαέρτεχ Διογένην в смысле «происходящий из Лаэрти»; а над теми, которым приснилось (somniaur) какое-то родовое римское имя, смеюсь. Я его назвал Диогеном и буду продолжать так называть, хотя ты зовешь его Лаэртием. Мы следуем только велениям разума..., а разум учит, что имя этого грека было «Диоген», а прозвище было «Лаэртий», образованное от гомеровского Лаэрта, подобно Несториям, Гераклиям, Платониям и другим бесчисленным прозвищам, которые мы находим или в истории, или на камнях, дающих этим прозвищам определенное место⁴, или в нашей обыденной жизни (consuetudo): ведь Евгении, Георгии, Григории и (женские

¹ Кажется, тут есть неточности: по крайней мере, по изданию Штадтмюллера, в VII 620 Διογένους Λαέρτιου есть лемма (а не поправка корректора), и нет указания на различение Λαέρτιος Διογένους. — В схолии к VII 89 написано Διογένης ὁ Λαέρτιου.

² Что касается ссылок на Hermes, XXXIV, 629 и Hermes, XXXVII, 443 и след., то они для данного вопроса не имеют значения. В Hermes, XXXIV, 629 разумеется коротенькое замечание в скобках в статье Вияльмовица «Lesefrüchte» о том, что правилен порядок слов Diogenes Laertius (а не Laertius Diogenes). В Hermes XXXVII, 443 и след. разумеется статья Моммзена «Sallustius = Salustius und das signum». В ней автор говорит об употреблении так назыв. signum (по гречески σημεῖον). В императорскую эпоху нередко к nomē прибавлялось signum, нечто вроде прозвища, которое отличалось от cognomen, например: C. Antonius Zosimianus signo Dalmatius. Суффикс этого signum был по большей части ius. Ссылка на эту статью, вероятно, нужна была для того, чтобы доказать, что Λαέρτιος (с суффиксом—ιος) могло быть таким signum при имени Διογένης, — могло, но не должно было. А между тем, как сказано в этой статье, signum было в употреблении главным образом в латинской половине империи, и то преимущественно в знатных классах.

³ «Scribam Stephani Byzantii». Как это понимать? Повидимому, Вияльмовиц думает, что свидетельство в лексиконе Стеф. Виз. исходит не от самого Стефана, а от переписчика его сочинения. Какое же основание для этого? См. еще примечание 2 на стр. 207.

⁴ Повидимому, Вияльмовиц спорит со своим корреспондентом Массом, который ставит «Лаэртий» перед «Диоген». Он здесь и указывает, что signum ставится после имени. См. вышеприведенную выписку из статьи Моммзена в т. XXXVII Гермеса. — Как видно, он представляет процесс образования слова Λαέρτιος иначе, чем автор статьи в Энциклопедии Виссова. Он хочет сказать, что Λαέρτιος образовано прямо от Λαέρτης посредством суффикса ιος, подобно тому, как Πλάτωνιος образовано от Πλάτων, Νεστόριος от Νέστωρ и т. д. А автор той статьи видит в Λαέρτιος реминисценцию выражения διογενὲς Λαερτιάδῃ.

имена) Стефании, Иларии, Макарии ведут начало от тех веков. Но прозвище (Диогена), если не ошибаюсь, указывает скорее на время Клавдия, чем Каракаллы¹.

В VIII (совершенно переработанном) издании словаря Любнера 1914 г. имеется краткая заметка на стр. 294: «D. Laertios (а не из Laerte)».

Сущность этих новых мнений о происхождении слова Δαέρτιος заключается в следующем. Слово это не происходит от названия города Δαέρτη(ς), как прежде думали, но есть прозвище, возникшее из реминисценции гомеровского выражения διογενὲς Δαερτιάδῃ или произведенное прямо от имени Δαέρτης.

Оснований против традиционного производства, ни Вилиямовиц, ни его последователи не приводят никаких: Вил. лаконически говорит, что он не верит писцу Стефана Виз., считавшему Диогена уроженцем города Лаэрти². Автор статьи в Энциклопедии Виссова еще более кратко, одним лишь словом, отвергает традиционное производство: оно «л ж и в о» (falsch). Едва ли кто может признать достаточным доказательством лишь то, что это «сам сказал» с его голословным скептицизмом.

Что же приводят Вилиямовиц и его последователи в доказательство своей гипотезы? Тоже ничего кроме того, что было в обычае у древних ученых давать прозвища. Но этому можно противопоставить другой обычай древних (вероятно, даже более распространенный)—прилагать к имени человека эпитет, указывающий на место его происхождения: сколько таких эпитетов видим мы хотя бы в начале Анабасиса Ксенофонта: Ξενίης Πιρραΐος, Κλέρχος Λακεδαιμόνιος, Ἀρίστιππος Θεσσαλός, Πρόξενος ὁ Βοιωτίος, Σοφαίνετος ὁ Σιπυραΐος, Σοκράτης ὁ Ἀχαιοῦς, Παΐων ὁ Μεγαρέος и др. Вот такие же эпитеты ученых и писателей: Гераклит Эфесский, Аристофан Византийский, Аполлоний Родосский, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сицилийский, Лукиан Самосатский, Ксенофонт Эфесский, Стефан Византийский и т. д. Так почему же Диогену было не называться Лаэртским? Если бы Вилиямовиц доказал, что Диоген не мог быть уроженцем города Лаэрти, это было бы доказательством несостоятельности традиционного производства; но он этого не мог доказать.

Вилиямовиц указывает еще на суффикс ιος, посредством которого Δαέρτιος произведено, по его мнению, от гомеровского Δαέρτης. Но ведь с таким же правом это слово могло быть произведено посредством того же суффикса и от названия города Δαέρτη(ς).

Против возникновения этого слова путем реминисценции известного гомеровского διογενὲς Δαερτιάδῃ от некоторой степени говорит следующее соображение. Ведь в таком случае прозвище Δαέρτιος носило бы характер шутки. А для шутки следовало бы оставить в неприкосновенности гомеровское Δαερτιάδης (ведь есть же имена с таким окончанием: Ἀσκληπιάδης, Κερνεάδης), а не сокращать его в Δαέρτιος: при уменьшении сходства с гомеровским выражением ослабилась бы и шутка. Для аналогии представим себе, что какому-нибудь Сергею Сергеевичу мы захотели бы дать

¹ Вилиямовиц разумеет, конечно, М. Аврелия Клавдия (Готского), который был императором 268—270 гг.; а Антонин Бассиан Каракалла был императором 211—217 гг.—Если основная гипотеза Вилиямовица окажется не доказанной, то, конечно, теряет силу и этот вывод из нее.

² В дополнение к тому, что я сказал в примечании 3 на стр. 206, надо заметить следующее. Вилиямовиц приводит форму Δαερτιά, т. е. вин. п. от Δαερτιάς; такой формы нет у Стефана Виз., да и вообще не существует; вероятно, это недосмотр, или описка со стороны Вилиямовица, или опечатка вместо Δαερτιάς, т. е. вин. п. от Δαερτιάς, которое, как я уже сказал выше, поставлено в лексиконе Стефана под словом Χολλεΐδα. Но у Стефана в этом месте порядком слов другой: Δ. ὁ Δαερτιάς. Таким образом, у Вилиямовица неточность двойная. Если верно мое предположение, то слова Вилиямовица, *повидимому*, надо понимать в том смысле, что именно форму Δαερτιάς, как явно своим суффиксом указывающую на происхождение и всецело противоречащую его гипотезе, он считает конъектурой переписчика, но не возражает против формы Δαέρτιος, которая своим суффиксом—ιος пригодна для его гипотезы.

прозвище «Скалозуб», а вместо этого стали бы называть его «Скалов»; не всякий заметил бы здесь реминисценцию из «Горя от ума».

Против этой гипотезы говорит также и то, что она есть плод фантазии новых ученых, тогда как традиционное понимание основано на показании древнего автора. Как бы мы ни смотрели на дошедшее до нас извлечение из сочинения Стефана Византийского, все-таки показание его должно иметь более авторитета, чем догадка нового ученого, хотя бы это был и Вилиямовиц.

Замечательно еще следующее обстоятельство. Указанное сочинение Вилиямовица помечено 1880 годом, а между тем, как я сказал выше, Крист в 3-м издании своей Истории греческой литературы, вышедшей в 1898 г., Круазе в своей Истории греческой литературы, вышедшей в 1899 г., Сандис в своих сочинениях 1903 и даже 1915 г., Кролл в своей книжке 1909 года—держатся традиционного толкования. Как это объяснить? Случайным ли недосмотром или сознательным игнорированием гипотезы Вилиямовица? Думаю, вернее последнее. Круазе, очевидно, знал ее, но считал «более вероятным» традиционное объяснение.

Резюмируя все вышесказанное, я полагаю, что объяснение Вилиямовица и его последователей, хотя и возможно, но менее вероятно, чем традиционное объяснение, и что мы должны и впредь называть Диогена «Лаэртским» или «из Лаэртъ». Если кому кажется неблагозвучным слово «Лаэртский», то можно употреблять форму «Лаэртийский», хотя основания для этого нет: ведь говорим же мы «пермский», «сарептский», «голландский» и т. п., также с двумя согласными перед «ский».

Остается сказать о порядке слов в выражении *Δαέρτιος Διογένης*. Этот порядок слов—необычный: обыкновенно приложение следует за именем лица. Однако бывают исключения, напр., *ἐπὶ τὸν ἀδελφὸν Ἀρταξέρξην ἐστρατεύετο* (Хен., Апаб., 2, 1, 1). В позднейшем греческом языке это еще менее удивительно, напр., *Ἀπολλώνιος ὁ Μόλων* и *ὁ Μόλων ὁ Ἀπολλώνιος* (и то и другое у Иосифа Флавия). К тому же почти во всех приведенных выше местах порядок слов правильный: *Διογένης Δαέρτιος*.

Если бы было доказано, что существовал римский род *Laertii*, то можно было бы еще предполагать, что наш Диоген был вольноотпущенником кого-нибудь из членов этого рода и получил это имя как помен, причем его греческое имя *Διογένης* стало *cognomen*; тогда порядок слов *Δαέρτιος Διογένης* был бы вполне нормальным: имя бывшего господина становилось у вольноотпущенника *namen*, а его собственное (рабское) имя *cognomen*, как *Livius Andronicus*, *Caecilius Statius*, *Terentius Afer* и т. п. Но, так как, повидимому, такого римского рода не было, то предположение о происхождении слова *Δαέρτιος* от названия римского рода отпадает.

Ближайшим поводом, побудившим меня написать эту заметку, было то, что один ленинградский филолог в рецензии на Историю греческой литературы, изданную Академией Наук СССР, поставил в вину авторам ее употребление названия «Диоген Лаэртский», сказав, что уже доказана неправильность его. Быть может, моя заметка покажет не критическим поклонникам «последнего слова науки», что не всякое последнее слово бывает вернее предпоследнего.

Чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский

ФОЛЬКЛОРНО-БЫТОВЫЕ КОРНИ БУКОЛИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ

В V идилии Феокрита, дающей наиболее развернутую форму буколического состязания, два пастуха, встретившись, обвиняют друг друга в воровстве, ссорятся и для разрешения спора начинают состязание в пении; предварительно они заключают пари, устанавливают заклады и приглашают третьейского судью, который и произносит приговор по окончании состязания.